

В те времена переписывание книг пользовалось огромным почетом. Под глубоким влиянием изысканной культуры Срединной равнины образованные люди этой островной империи питали непреодолимую страсть к чтению и декламации стихов-вака. Особым шиком считалось именно последнее.

Сама по себе вака представляла собой поэтическую форму с чередованием длинных и коротких строк, зародившуюся как подражание классическим китайским стихам. В блистательном Хэйан-кё придворный аристократ, не умевший слагать или декламировать вака, мгновенно становился всеобщим посмешищем. Одно это наглядно показывало, сколь высоко ценилось это искусство в высшем обществе.

Даже в Оммё-рё — Ведомстве Инь-Ян — учеников усердно обучали словесности. Ведь после выпуска большинство из них ждала чиновничья служба, а государственному мужу, не способному связать и пары изящных строк, в приличном обществе делать было нечего.

По этой причине в библиотеках Ведомства, помимо сугубо профессиональных трактатов по оммёдо, астрономии, географии, истории и искусству водяных часов, хранилось великое множество книг, привезенных из Китая, а также всевозможные редкие свитки и поэтические антологии — списки стихов, которые благородные господа декламировали на изысканных пиршествах.

И недооценивать эти сборники ни в коем случае не следовало. Возможность процитировать свежую поэзу знатного вельможи вызвала у обывателей благоговейный трепет — в ту эпоху вака значили куда больше, чем современные эстрадные шлягеры. Желая снискать славу утонченных ценителей прекрасного, устроители пиров нарочно нанимали писцов для копирования лучших творений гостей, дабы поскорее пустить их в народ.

Разумеется, в архивах Оммё-рё подобных свитков скопилось предостаточно.

Фурукаве Кэну, как новоприбывшему ученику, поручили переписывать именно эту часть архива. Стоило вести об этом разнестись, как юноша стал объектом жгучей зависти сверстников. В глазах окружающих подобный труд казался верхом изящества. Ведь переписчик не просто первым соприкасался с утонченной поэзией, но и получал уникальную возможность заявить о себе, пуская списки в оборот.

Стоит помнить, что во времена, когда новости разносились исключительно на словах, роль «первого вестника» ценилась необычайно высоко. С его помощью легко было снискать благосклонность влиятельных особ: стоило какому-нибудь важному вельможе вспомнить, чьими стараниями его стихи пошли гулять по столице, и безвестный писец в один миг мог взлететь по карьерной лестнице.

Но для самого Кэна, помимо призрачных видов на высокое покровительство, в этой работе крылась куда более осязаемая выгода. Он разглядел здесь золотую жилу!

За три месяца, прошедших с момента его перемещения в это тело, Кэн не нажил ничего, кроме свистящего ветра в пустых рукавах. И вот теперь судьба наконец-то подбросила бедолаге шанс поправить финансовое положение.

План был прост как день: записывать стихи придворных господ и продавать их жаждущим приобщиться к прекрасному!

Да, это был идеальный, не требующий абсолютно никаких начальных вложений способ заработка.

Стоило Кэну взглянуть на вычурные, подчас откровенно вымученные вирши вельмож, как его глаза хищно блеснули. Шутка ли — ежедневно подниматься в два-три часа ночи, брести в Ведомство и возвращаться домой лишь к шести вечера! Без гроша в кармане и постоянного жалованья, он все эти три месяца питался исключительно пресными белыми колобками, которые выдавал его игровой терминал. Бог весть, из чего состояло это безвкусное варево, но за три месяца Кэн каким-то чудом не заработал авитаминоза и не слег от нехватки кальция, калия или железа. Тем не менее от этой пресной диеты юноша озверел настолько, что при виде обычной соли готов был броситься на нее и вылизать до песчинки.

Хуже того, для простых учеников в Ведомстве Инь-Ян понятия «выходной» просто не существовало. Старшие послушники, сдавшие предварительные экзамены, могли рассчитывать на жалкие два дня отдыха в месяц, но младших гоняли круглый год без продыху, делая исключение лишь на Великий праздник Нового года.

При таком каторжном графике о какой-нибудь подработке ради лишней монеты на карманные расходы нечего было и мечтать.

Но самым горьким разочарованием оставалось то, что Кэн до сих пор так и не понял, что представляет собой духовная сила. За вычетом способности видеть неупокоенных духов, всё его обучение сводилось к зубрежке древних мифов и выслушиванию бесконечных панегириков преподавателей в честь божественного императора.

С голоду он, конечно, не умирал, но это унылое прозябание ни на шаг не приближало его к заветной цели — стать сильнее.

Кэн отчетливо понимал: промедли он еще немного, и окончательно превратится в бессловесную скотину. Новая возможность подзаработать всколыхнула в его душе дремавший азарт.

Наблюдая, с каким неистовым рвением Кэн переписывает и заучивает стихи, притихли даже те соученики, что поначалу исходили завистью. Люди в те простодушные времена судили поверхностно, а потому, глядя на столь фанатичное усердие нового послушника, единогласно сочли его тонким ценителем прекрасного, влюбленным в поэзию юношей.

Подобное мнение было крайне выгодно для будущего оммёджи. Когда Кэн позже осознал, какую репутацию ухитрился себе создать совершенно случайно, то не раз мысленно поблагодарил судьбу за этот подарок.

И вот, заучив за день изрядное количество стихов, Кэн уже прикинул, как незаметно вынесет несколько исписанных листов за ворота, но тут столкнулся с досадным препятствием.

У него не было бумаги.

В эту эпоху простые люди бумагу даже в глаза не видели, не то что держали в руках. Что уж говорить о Кэне, у которого за душой не было ни единого гроша! Абсолютно, катастрофически пусто!

Без денег невозможно купить писчие принадлежности, а без бумаги все его грандиозные планы по продаже чужих виршей рассыпались прахом, превращаясь в несбыточную фантазию.

Осознание этой горькой истины заставило Кэна оцепенеть.

— Фурукава-кун? — окликнул его сидевший рядом ученик, заметив, что Кэн застыл с занесенной кистью, с кончика которой на чистый свиток сорвалась тяжелая капля, расплывшись уродливой кляксой. — С тобой всё в порядке?

— Прощу прощения, задумался о своем, — торопливо извинился Кэн. — Послушай, старший брат, ты не знаешь, где здесь можно раздобыть бумагу и кисти?

— А, это? В лавке при Управлении продают, — мягко ответил тот. Известное рвение младшего сотоварища вызывало у него искреннее уважение. — Решил поупражняться в каллиграфии на досуге?

— Спасибо за совет, — с безупречной улыбкой кивнул Кэн.

«Будь проклят этот мир, где за каждый шаг приходится платить!» — мысленно простонал он.

Как бы то ни было, Кэн все же заглянул в указанное крыло Управления. Там действительно ютилась крошечная лавка без вывески, куда изредка заходили ученики, чтобы выменять новые кисти или чистые свитки. Кэн разузнал цены: местный товар обходился дешевле столичного, но даже за самую простую кисть просили не меньше восьми медных монет-мон.

То ли память его подводила, то ли устройство этого мира в корне отличалось от древнего Китая, но курс обмена меди на серебро здесь казался весьма странным — шестнадцать мон за один серебряный таэль.

Впрочем, реальных денег Кэн до сих пор в руках не держал, а потому не представлял ни как выглядят эти монеты, ни какова их настоящая покупательная способность. На столичных окраинах простые люди испокон веков обходились натуральным обменом. В бедных кварталах не было лавок — лишь изредка забредали бродячие торговцы-коробейники, охотно менявшие нехитрый скарб на зерно или холст. Так что живых денег Кэн за три месяца ни разу не видел.

Но в Ведомстве Инь-Ян законы бартера не действовали.

Вернувшись в свою каморку, Кэн погрузился в безрадостные думы. Пребывая в глубочайшей нищете, он физически не мог позволить себе покупку писчих принадлежностей. При этом самым надежным и быстрым способом поправить дела по-прежнему оставалось составление поэтического сборника для последующей продажи.

Выцарапывать стихи на древесных листьях или бересте — затея глупая, за такое никто не заплатит ни гроша. Напротив, капризные кугэ могли счесть подобную небрежность оскорблением своего высокого искусства, и тогда несдобровать.

Как же быть?

Несмотря на безденежье, Кэн решил не опускать руки и тщательно подготовить почву. Первым делом следовало запомнить как можно больше стихов, отбирая лишь самые изысканные и звучные творения. Для удобства он мысленно распределял их по авторам, темам и празднествам, на которых они декламировались.

Уж не знало ли виной тому омоложение тела или таинственная Система, но память Кэна теперь работала безупречно, удерживая мельчайшие подробности.

За этими заботами незаметно пролетели пять дней, и подошел черед его дежурства у ворот Ведомства.

Внутренние помещения убирала обычные слуги, но содержать в чистоте парадные ворота вменялось в обязанность ученикам. Смысл этой повинности был прост: по соседству с Ведомством располагалось влиятельное Министерство центральных дел, а напротив высилось здание Высшего государственного совета, так что знатные особы проезжали здесь постоянно. И если послушники-оммёджи еще могли избежать суеты, то воспитанников отделений астрономии, календаря и водяных часов вельможи то и дело призывали для выполнения различных поручений. Дежурство у ворот помогало юношам запомнить в лицо столичную знать и научиться безошибочно определять ранг гостя по цвету и покрою его одеяний. Малейшая оплошность или непочтительный поклон грозили обернуться катастрофой.

В те суровые времена за недостаточно глубокий поклон можно было лишиться не просто места службы, но и собственной головы.

Кэн прекрасно понимал всю серьезность положения. Размеренно взмахивая метлой, он

внимательно приглядывался к каждому прохожему и тихо напевал заученные строки:

— Краски цветов поблекли, пока в суете мирской я безотрадно жила, взором следя за дождями, что льются и льются с небес...

Эту песнь он приметил в одном из старых дворцовых свитков. Изяществом и глубиной она превосходила сотни прочих творений и заслуживала почетного места в великой антологии «Манъёсю». Однако создательницей этих строк была неизвестная придворная дама по фамилии Оно, и оттого мужчины-составители обошли её творение вниманием.

— О, какие дивные, исполненные печальной грации слова... Юноша, неужто ты сам сложил эту песнь? — раздался вкрадчивый голос из остановившейся неподалеку крытой повозки, запряженной неспешным быком.

— Никак нет, благородный господин, — Кэн поспешно отложил метлу и склонился в глубоком поклоне. — Эти стихи не мои. Я наткнулся на них случайно, когда переписывал дворцовые свитки. Их сложила госпожа Оно, одна из придворных дам.

— Вот оно что... Слог и впрямь на редкость нежен и певуч, — невидимый собеседник так и не соизволил приоткрыть занавеску повозки. Говорил он неторопливо, нараспев, причудливо растягивая гласные. Эта манерная речь была в ходу у высшей столичной знати, и Кэн мгновенно сообразил, что перед ним важная персона.

Не смея навязываться с праздными разговорами, Кэн отвесил еще один вежливый поклон и молча вернулся к своей работе. Его напарник так и сверлил юношу любопытным взглядом, но из страха перед важным господином помалкивал.

Спустя некоторое время из ворот Высшего государственного совета торопливо вышел слуга, скрывшийся в недрах повозки. Но стоило быку тронуться, как из экипажа показался мужчина в строгом черном каригину. Направившись прямо к Кэну, он протянул небольшой увесистый сверток:

— Мой господин ценит честность и прилежание в ученье. Прими эту скромную награду.

С поклоном приняв подношение, Кэн дождался окончания дежурства и лишь тогда уединился в тихом уголке между пристройками. Дрожащими руками он развязал завязки кошелька. На ладонь посыпались тусклые монеты: восемь тяжелых серебряных таэлей и около десятка медных мон. Из-за несовершенства тогдашней чеканки монеты выглядели неровными и невзрачными, но для Кэна они были прекраснее всех сокровищ мира.

Настоящие, осязаемые деньги! Его первый заработок!

Кэна захлестнула такая волна восторга, что он едва не пустился в пляс прямо на глазах у

строгих наставников. Наконец-то он богат! Наконец-то у него появились деньги!

<http://bllate.org/book/18244/1748170>